

Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy
Сергея Песецкого
в трех переводах на белорусский язык

Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy
by Sergiusz Piasecki
in Three Translations into Belarusian

Oksana Małyśa

 <https://orcid.org/0000-0002-5130-769X>

UNIVERSITY OF SILESIA IN KATOWICE
oksana.malysha@us.edu.pl

Дата заявки: 10.06.2025 г. | Дата рецензии и одобрения: 15.07.2025 г.

ABSTRACT | The article discusses the specificity of the translation series of Sergiusz Piasecki's novel *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy* (*Lover of the Great Bear*) presented in Belarusian. Attention is paid to the paratextual determinants of the three translations and the translator's decisions to convey elements reflecting the linguistic and cultural specificity of the Polish-Soviet borderland in the first half of the 1920s. Piasecki's work, rooted in the traditions of multiculturalism, was also examined in terms of its reception by contemporary Belarusian audiences.

KEYWORDS | Sergiusz Piasecki, borderland literature, translation series, paratexts, multiculturalism

Интерес к феномену жизни и творчества польского автора Сергея Песецкого (польск. *Sergiusz Piasecki*, бел. Сяргей Пясецкі), который стал заметен особенно в последнее время, находит свое отражение в разных областях деятельности. Это проявляется в научных исследований, связанных с проблематикой жанровой принадлежности и стилевых особенностей его книг¹, в научно-популярных описаниях жизненных перипетий писателя², в организации посвященных ему мероприятий культурно-просветительского плана³, а прежде всего в переизданиях его текстов и их переводах. Самое известное произведение Песецкого – *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy* – уже в течение двух лет после выхода в 1937 году было переведено на более десяти языков, в частности, на английский, французский, испанский, немецкий, эстонский, норвежский, датский, итальянский, нидерландский. В Советском Союзе как эта книга, так и другие тексты Песецкого не переводились по причине открытых антисоветских политических взглядов писателя и его разведовательной деятельности в пользу западных государств. Именно поэтому на русском языке роман, под заглавием *Любовник Большой Медведицы*, был опубликован только в 2014 году минским издательством «Регистр»

- 1 К примеру, см. J. Klimek: *O języku „Kochanka Wielkiej Niedźwiedzicy” Sergiusza Piaseckiego. Rekonesans badawczy*. B: *Język polski dawnych Kresów Wschodnich*. T. 5: *Polskie dziedzictwo językowe na dawnych Kresach*. Red. E. Dziegieł, K. Czarnecka, D.A. Kowalska. Semper, Warszawa 2012, с. 123–132, а также ряд статей польской исследовательницы Эвы Кубусяк (см.: E. Kubusiałk: *Leksyka przestępca w trylogii złodziejskiej Sergiusza Piaseckiego*. „LingVaria” 2021, r. XVI, nr 1 (31), с. 321–334; *Antroponimy nieoficjalne w powieściach Sergiusza Piaseckiego*. „Język Polski” 2024, r. CIV, z. 2, с. 87–99; *Воровские псевдонимы как элемент криминального дискурса в трилогии Сергея Пясецкого*. B: *Onomastics in Interaction With Other Branches of Science. Vol. 3: General and Applied Onomastics. Literary Onomastics. Chrematonomastics. Reports*. Red. U. Bijak, P. Swoboda, J. Walkowiak. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2023, с. 291–305 и пр.
- 2 R. Demel: *Sergiusz Piasecki 1901–1964. Życie i twórczość*. Wydawnictwo LTW, Łomianki 2012; K. Polechoński: *Żywoł człowieka uzbrojonego. Biografia, twórczość i legenda literacka Sergiusza Piaseckiego*. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa–Wrocław 2000, а также книга внучки Сергея Песецкого – E. Tomaszewicz: *Gwiazdy Wielkiej Niedźwiedzicy. Kobiety w życiu i twórczości Sergiusza Piaseckiego*. Wydawnictwo LTW, Warszawa 2003 и др.
- 3 Писатель является героем белорусских документальных фильмов и телепрограмм, которые показывают его как жителя Минска в 20-х и 30-х годах XX века. Белорусские певцы, в свою очередь, соотносятся с контрабандистским эпизодом в биографии Песецкого, а на Раковском фестивале ежегодно проводятся квесты по мотивам романа *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. См., напр.: M. Chmialnicki: *Recepcja twórczości Sergiusza Piaseckiego na Białorusi*. B: *Polonistyka na początku XXI wieku. Diagnozy. Koncepcje. Perspektywy*. Red. J. Tambor. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2018, с. 222–231.

в переводе Дмитрия С. Могилевцева и В.Л. Авиевой. То же издательство выпустило в 2019 году книгу в переводе Галины Бенкевич на белорусский язык⁴. Первый же белорусский перевод был осуществлен Феликсом Янушкевичем еще в 1984 году, но его публикация стала возможна только спустя более десяти лет – в журнале «Голас Радзімы» за 1995 и 1996 годы, а в книжном формате – в 2009 году в издательском доме «Віктар Хурсік»⁵. В 2020 году появился третий перевод, Марии Пушкиной, в издательстве «Логвінаў» при поддержке Польского института в Минске и Института книги⁶. Все переводы вышли под заглавием *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*.

Причин появления в печати множественности переводов на белорусском языке на протяжении двадцати пяти лет, т.е. небольшого временного отрезка, может быть несколько. Прежде всего в постсоветской Беларуси возродился интерес к польской литературе, в том числе к авторам с белорусскими корнями, к которым принадлежит Песецкий⁷. Благодаря этому стало возможным заново открыть его творчество, а издатели могли рассчитывать на коммерческий успех переводов. Дополнительно привлекать аудиторию и способствовать продвижению романа может упоминание о том, что он был номинирован на Нобелевскую премию⁸, размещенное, в частности, в аннотации к первому белорусскому изданию книги (отметим при этом, что такие сведения не подтверждаются в польских источниках). Кроме того, высказывается мнение, что

4 С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Г. Бенкевіч. Регистр, Мінск 2019.

Далее цитаты из этого издания приводятся с пометой ГБ.

5 С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Ф. Янушкевіч. Віктар Хурсік, Менск 2009. Далее цитаты из этого издания приводятся с пометой ФЯ.

6 С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. М. Пушкина. Логвінаў, Мінск 2020. Далее цитаты из этого издания приводятся с пометой МП.

7 Сергея Песецкого представляют в научных работах как бинационального, белорусско-польского писателя. Массмедиа в Беларуси отражают не только такой подход (см.: *Выйшла аўдыёкніга «Каханак Вялікай Мядзведзіцы»*. <https://www.racyja.com/archivy/kultura/vyjshla-audyyokniga-kakhanak-vyalikaj-mya/> [дата обращения: 14.03.2025]), но и пишут о Песецком как польском прозаике белорусского происхождения и даже как о самобытном белорусском писателе, который долгое время оставался неизвестным в Беларуси (см., к примеру, «*Каханак Вялікай Мядзведзіцы*» – в ТОП-10 от CityDog. <https://onebook.by/2020/05/kahanak-vyalikaj-mjadzvedzicy-v-top-10-ot-citydog/> [дата обращения: 15.03.2025]).

8 См. аннотацию к книге *Каханак Вялікай Мядзведзіцы* на <https://www.goodreads.com/book/show/40240252> [дата обращения: 16.03.2025], а также *7 классиков и их 20 лучших книг, которые почему-то не преподают на уроках литературы в школе, а стоило бы*. <https://citydog.io/post/mts-7-klassikov/> [дата обращения: 16.03.2025].

Каханак Вялікай Мядзведзіцы, наряду с поэмами *Песьня пра зубра* (лат. *Carmen de statura feritate ac venatione bisontis*) Николая Гусовского и *Пан Тадэвуш* (польск. *Pan Tadeusz*) Адама Мицкевича, входит в число произведений, хотя и не написанных на белорусском языке, но в настоящее время рассматриваемых как самые яркие национальные белорусские эпопеи⁹. Такая интерпретация романа Песецкого среди прочего обуславливается местом событий произведения, действие которого разворачивается в 20-е годы прошлого века в Ракове под Минском, на тогдашней польско-советской границе, а также широкой палитрой героев повествования – представителей разных национальностей и культур. О самом Песецком в Беларуси говорится, что он «наш и не наш»¹⁰. В этой формулировке находят отражение дискуссионные вопросы не только о роли писателя в белорусской культуре, но и об особенностях его жизненного пути, предопределивших творческую судьбу Песецкого, изначальным элементом стиля которого считается автобиографический герой¹¹.

По происхождению Песецкий, родившийся в деревне Ляховичи (теперь Брестская область) в 1901 году, был незаконнорожденным сыном обрусевшего польского шляхтича и белорусской крестьянки Клавдии Кукалович, однако в силу решений отца воспитывался мачехой. Родным языком для него был русский, он ходил в русские школы, в том числе во Владимире и Покрове, где оказалась его семья по причине исторических обстоятельств в 1915 году, и этим языком Песецкий пользовался на советско-польской границе во время разных видов своей деятельности. Помимо русского Песецкий владел белорусским языком на уровне говорения и чтения, понимал украинский и читал на нем. Он считал себя поляком, но на польском языке начал говорить в возрасте 20 лет, когда связал свою жизнь с Польшей, а тщательно стал изучать его на основании журнала «*Wiadomości Literackie*», учебника грамматики и жаргона преступников в 1929 году в польской тюрьме строгого режима Святой Крест, где отбывал пятнадцатилетний срок за вооруженное нападение на поезд, которое совершил под влиянием наркотиков. Наркозависимость у него осталась с тех времен, когда он был гражданским агентом в польской разведке, действующей по советской стороне пограничья.

9 Я. Янушкевич: *Этас перамытнікаў-ракаўчукоў*. <https://www.svaboda.org/a/1491212.html> [дата обращения: 12.02.2025].

10 Т. Кабржыцкая, П. Рагойша, М. Хмяльніцкі: *Наши и не наши Пясецкі. Зоркі Радзімы пісьменніка пад колам яго жыццёвых і творчых калізій*. Кнігазбор, Мінск 2014.

11 П.В. Рагойша: *Творчасць Сяргея Пясецкага: проблема жанрава-стылевай адметнасці*; автореф. дис. канд. филол. наук. Мінск 2001.

Его разведовательную деятельность сменила контрабанда, а затем возглавление собственной группировки.

Книга *Kochanek Wielkiej Niedzwiedzicy* не была первой в его писательской деятельности, но именно она принесла ему известность. Роман был написан в тюрьме в 1935 году. После выхода книги в свет два года спустя Песецкий был освобожден на четыре года раньше благодаря усиленным стараниям Мельхиора Ваньковича, одного из основоположников художественного репортажа в Польше, а также литературного директора и совладельца издательства «Rój», опубликовавшего роман Песецкого. Наряду с этим освобождению способствовали многочисленные просьбы почитателей данной книги.

До Второй мировой войны произведения Сергея Песецкого, в частности – *Piąty etap* (русск. «Пятый этап», в белорусском переводе Язэпа Янушкевича *Пяты этап*), *Bogom nosy równi* (русск. «Богам ночи равные», в переводе Г. Бенкевич на белорусский язык – *Багам ночы роўныя*) – пользовались в Польше большой популярностью, а *Kochanek Wielkiej Niedzwiedzicy* стал одной из самых востребованных книг межвоенного периода. Во времена социализма однако все творчество прозаика, эмигрировавшего сначала в Италию, а затем в Великобританию, практически было предано забвению – книги разных лет были официально запрещены до 1990 года, хотя в 1974 году по мотивам романа *Kochanek Wielkiej Niedzwiedzicy* был снят фильм *Przemytnicy* (русск. «Контрабандисты»¹²) с Янушем Гайосом, известным для широкой аудитории по телесериалу *Czterej pancerni i pies* (русск. *Четыре танкиста и собака*).

Современная писательница Дорота Масловская в одной из глав своих паракулинарных записок *Więcej niż możesz zjeść* (русск. «Больше, чем можешь съесть»)¹³ замечает, что если бы в одной из самых интересных польских телевикторин *Jeden z dziesięciu* (русск. «Один из десяти») прозвучал вопрос на тему заглавия первой части книги трилогии Песецкого¹⁴ о серых буднях воровского мира довоенного Минска,

12 Под заглавием *Кантрабандісты* в 2014 году вышел фильм, снятый телевидением Белсат, в основе которого также лежит рассматриваемый здесь роман Песецкого. Главную роль в этой экранизации сыграл белорусский музыкант Пит Павлов, которого творчество писателя вдохновило на создание альбома «Зброя. Золата. Кабеты» («Оружие. Золото. Женщины»). См.: M. Tyszkiewicz: *Pomnik Sergiusza Piaseckiego miał stanąć w Rakowie, ale stoi we wrocławskiej knajpie*. <https://glosznadniemna.pl/58232/pomnik-sergiusza-piaseckiego-mial-stanac-w-rakowie-ale-stoi-we-wroclawskiej-knajpie/> [дата обращения: 20.03.2025].

13 D. Masłowska: *Więcej niż możesz zjeść. Noir sur Blanc*, Warszawa 2016, с. 77–81.

14 Речь идет о книге *Trylogia złodziejska* (русск. «Воровская трилогия»). В переводе на белорусский язык ее заглавие звучит *Менская трэйлогія*, а первые

изданной впервые в 1946–1947 годах в Италии, вряд ли кто-нибудь из телезрителей выкрикнул бы его. Сама писательница нашла *Jabłuszko* (русск. «Яблочко»), как называется эта часть книги, в гостиничном книжном шкафу и описала свои впечатления от прочитанного следующим образом:

Okazało się ono lekturą niespodziewanie barwną i wciągającą, dziecięco hedonistyczną, podczas której obgryzłam wszystkie paznokcie i zjadłam wszystkie gratisowe landrynki z tego hotelu, i sama nieomal zaczęłam marzyć o zostaniu złodziejką i grabieniu strychów z suszacej się pościeli lub choćby kochanką pasera, która potem w pocie czoła do późnej nocy wypruwa z niej monogramy, podczas gdy mężczyźni popijają sardynki wódką i śpiewają pieśni o złym złodziejskim losie¹⁵.

В свою очередь, о книге *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy* уже сам автор писал, что она обладает как документальным, так и магическим началом¹⁶. Марьян Хемар, польский поэт-песенник и писатель, отмечал, что уже само заглавие романа Песецкого возбуждает воображение, объединяя две тайны мироздания: любовь и необъятность космоса. Он определил название книги как «мрачное, волнующее и романтическое»¹⁷. Эти мотивы по-разному преломляются в паратекстуальном плане белорусских изданий.

две ее части – Яблычак и *Ніхто дабром не дасць збаўлення* вышли в переводе Виктора Шукеловича, последнюю – Гляну я ў аконца – перевела Мария Пушкина.

15 «Это оказалось неожиданно красочное и увлекательное чтение, по-детски приносящее удовольствие, – я обкусала себе все ногти, съела все бесплатные карамельки из отеля и почти начала мечтать о том, чтобы самой стать маленькой разбойницей и утаскивать с чердаков сушившееся белье или по крайней мере оказаться любовницей скupщика краденого, которая потом до поздней ночи в поте лица распарывает монограммы, пока мужчины запивают сардины водкой и поют песни о злой воровской судьбе» [перевод наш – О.М.]. D. Masłowska: *Więcej niż możesz zjeść...*, с. 79.

16 S. Piasecki: *Od autora*. B: S. Piasecki: *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy*. LTW, Łomianki 2021, с. 10.

17 M. Hemar: „Dziennik Polski”, 3.IV.1964. Цит. по: R. Demel: *Sergiusz Piasecki 1901–1964...*, с. 177.

Паратекстуальные элементы в переводах романа Песецкого

Паратекстуальные элементы, как пороги художественного текста, включающие полиграфическое оформление книги, заглавие, имя автора, эпиграф, предисловие, примечания, послесловие и др., Жерар Женетт считает одной из наиболее привилегированных областей прагматического измерения произведения¹⁸.

Божена Токаж отмечает, что, парадоксально, в контексте перевода отраженное в паратекстах стремление к объективизму на самом деле свидетельствует о манипуляции декодирования текста во имя субъективизма интерпретации или так называемой соответствующей интерпретации, которой не существует. По словам исследовательницы, паратексты непосредственно связаны с целями издателей, а также со стратегиями переводчиков и их отношением к чуждости, определяя художественное и культурное сознание лиц и эпох. Они создают новую литературную и ментальную действительность на основе погружения оригинала в другой язык и культуру¹⁹.

Здесь обратим внимание на перитексты, т.е. в типологии Женетта перечисленные выше паратекстуальные показатели в самом тексте (в отличие от внешних – эпитетекстов, к примеру, интервью с автором или переводчиком), учитывая также оформление книг как их составляющую. По нашему мнению, эти характеристики обладают особой функциональной значимостью в аспекте рецепции ряда выпусков книги Песецкого *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy*²⁰ для белорусскоязычной аудитории.

Графические проекты трех изданий на белорусском языке, каждый из которых оформлен в ином ключе, подсказывают адресату разные интерпретативные возможности прочтения.

18 См., к примеру, Ж. Женетт: *Посвящения*. Перевод, вступительная заметка и примечания Л. Семеновой. В: *Антропология культуры*. Вып. 2. Ред. В.В. Иванов. Вердана, Москва 2004, с. 187; G. Genette: *Palimpsesty. Literatura drugiego stopnia*. Przeł. A. Milecki. В: *Współczesna teoria badań literackich za granicą: antologia*. Т. 4, cz. 1: *Badania strukturalno-semiotyczne (uzupełnienie), problemy recepcji i interpretacji*. Red. H. Markiewicz. Wydawnictwo Literackie, Kraków 1996, с. 110.

19 B. Tokarz: *Parateksty jako wyraz koncepcji przekładu*. „Przekłady Literatur Słowiańskich” 2017, t. 8, nr 1, с. 16.

20 S. Piasecki: *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy*. LTW, Łomianki 2021. Все цитаты далее приводятся из этого издания с пометкой СП.

На обложке первого из них²¹ изображены аверсы и реверсы монет, разбросанных на фоне польской штабной карты, отражающей места описываемых в книге событий. Особо выделено на ней название городка *Raków* (русск. Раков, бел. Ракаў), который после 1921 года приобрел приграничный статус, став криминальной столицей и центром контрабанды²². Среди монет поэтому заметны польские золотые, золотые рубли, другие денежные единицы, в частности, с представлением на оборотной стороне одной из них парусного судна, что дополнительно экзотизирует образ и проецирует приключенческую тематику.

На обложке второго издания книги²³ представлена стена, одна часть которой отделана светлой штукатуркой; здесь дается фамилия автора и заглавие книги буквами, имитирующими безликий машинный шрифт. На нижней части стены – кирпичной, с разрушенной отделкой, изображено созвездие Большой Медведицы, где каждая звезда названа женским именем. Кроме того, линию между этими двумя пластами можно трактовать как обрисованное разделение, границу. Такой многоуровневый художественный формат направляет восприятие читателя в русло как любовных похождений, так и неких деструктивных мотивов. Не случайно в книге также появляется возрастная отметка 16+. Интересно, что в этом издании два титульных листа содержат заглавие на белорусском языке, а один – копию титульного листа издания на польском языке, с которого был осуществлен перевод. Кроме того, отметим здесь добавление списка произведений Песецкого на одном клапане обложки на польском языке, а на другом – на белорусском. Данное решение, не принадлежащее к распространенной издательской практике, в этом случае отражает стремление передать специфику творческой биографии Песецкого как белорусско-польского писателя.

Обложка последней публикации²⁴ оформлена в тонах, которые могут напоминать цвета пленки с кадром из немого кино либо старой фотографии, немного подретушеванной в не всегда очевидных местах. Так, на сером фоне отличается слово *Каханак* – по сравнению с остальной частью заглавия оно выделено большими прописными буквами и оттен-

21 См. обложку книги *Каханак Вялікай Мядзведзіцы* в переводе Феликса Янушкевича на сайте: <https://postimg.cc/v4FCnZc> [дата обращения: 20.03.2025].

22 П. Рагойша: *Сергей Пясецкий: феномен творчества писателя русско-белорусско-польского пограничья*. «Звезда» 2001, № 6, с. 176–184.

23 См. обложку книги *Каханак Вялікай Мядзведзіцы* в переводе Галины Бенкевич на сайте: <https://postimg.cc/7br0JCGF> [дата обращения: 20.03.2025].

24 См. обложку книги *Каханак Вялікай Мядзведзіцы* в переводе Марии Пушкиной на сайте: <https://postimg.cc/bsJJZ8gX> [дата обращения: 20.03.2025].

ком зелени, а также помещено в рамку, похожую на неоновую. Кроме того, лицо представленного на обложке мужчины в сером костюме полностью закрывает зеленый четырехлистный клевер – символ удачи, веры, любви и достатка. К обеим сторонам его шляпы прикреплены два белых крыльышка, что напоминает таларии. Этот атрибут Гермеса – сапоги (могут быть также сандалии) с крыльышками, с помощью которых он совершал разные подвиги, – воспроизводится на титульном листе, обрамленном кинолентой. Между сапогами, расположенными по двум сторонам листа, очерчивается ковш, а в рамку здесь заключено последнее слово заголовка – *Мядзведзіцы*, переигрывая концепцию обложки.

Указанный в этом издании возраст читателей романа превышает отметку 18, что обусловлено прежде всего наличием в нем подстандартной лексики, но также может предопределяться эротическими сюжетными линиями²⁵. Возможно, что возрастные расхождения – 16 и 18 лет – двух близких по времени изданий детерминированы тем, что последний перевод осуществлен с полной авторской версии, в связи с чем в нем появляется больше элементов, которые в белорусской среде считаются несоответствующими для несовершеннолетних.

Таким образом, обложка первого издания романа Песецкого указывает на реалии в разнообразном культурном контексте на определенной территории. Вторая акцентирует как разные слои в историческом плане, так и любовно-неземную составляющую. На форзаце и титульном листе третьего издания, дизайнером которого была Катерина Пикереня, наблюдается сосредоточенность на главном герое, что направляет на (авто)биографичность повествования. Обозначенный документализм дополняется здесь поэтическими нотками, в частности, указанием на подвиги, удачу и любовь.

Другие паратексты, включенные в белорусские издания книги, также отличаются по своей тематической и функциональной направленности ввиду как перевода с разных версий оригинала и соответственно иных изданий, так и различного подхода принимающей культуры к исходной.

Каждый из переводов содержит предисловия, однако все они написаны разными авторами. В первый перевод, – выполненный художником Феликсом Янушкевичем с оригинала 1937 года, который он получил в подарок от супругов Марыли и Яна Шукелевых еще в 70-х годах

25 Положение о порядке присвоения информационной продукции знака возрастной категории и некоторых особенностях ее распространения утверждено Постановлением Правительства Беларуси № 871 от 25 октября 2016 года, см.: *Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь*. <https://pravo-by/novosti/novosti-pravo-by/2016/october/21504/> [дата обращения: 21.02.2025].

прошлого века²⁶, – как и в соотносимое с ним издание, входит вступление, принадлежащее перу Мельхиора Ваньковича и подробно описывающее историю Песецкого, а также детали знакомства с ним репортера. Здесь же Ванькович говорит о впечатлениях от рукописи романа, которую он читал со штабной картой в руках. Параллели с этим высказыванием прослеживаются на обложке первого белорусского издания, на которой, как мы упоминали, размещена такая карта.

Текст романа во втором издании предваряет введение *Абраннік Вялікай Мядзведзіцы* (русск. «Избранник Большой Медведицы») кандидата филологических наук Алексея Бразгунова. Автор обращает особое внимание на главного героя книги, Владислава Лабровича – *alter ego* Песецкого, который описывается как молодой, интеллигентный и храбрый человек, с присущими ему чувством справедливости, чести и собственного достоинства, т.е. чертами, которые всегда вызывают читательские симпатии. Отрывки вступительного слова цитируются также в аннотации и на задней обложке, с фотографией Песецкого:

У «Каханку» вачыма маладога кантрабандыста Уладака Лабровіча перад чытачом паўстае *terra incognita* – польска-савецкае памежжа, убачанае «знутры», а не са сталічнай Варшавы. У гэтым жыцці ёсьць каханне, вернасць і здрада, спадзяванні і расчараванні, сябры і ворагі. Аднак у любой сітуацыі герой цвёрда прытымліваеца своеасаблівага кодэксу, ядром якога з'яўляецца «хараство сапраўднага мужчынскага сяброўства». А малады, адчайны і разумны герой, які не баіцца рызыкаваць і прайграўца, якому ўласціва пачуццё справядлівасці і гонару, заўсёды карыстаецца поспехам у чытача²⁷.

26 С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Фелікс Янушкевіч..., https://royallib.com/read/pyasetsk_syargey/kahanak_vyalkay_myadzvedztsi.html#1228800 [дата обращения: 22.02.2025].

27 «В „Любовнике“ глазами молодого контрабандиста Владика Лабровича перед читателем предстает *terra incognita* – польско-советское пограничье, увиденное „изнутри“, а не из столичной Варшавы. В этой жизни есть любовь, верность и измена, надежды и разочарования, друзья и враги. Однако в любой ситуации герой твердо придерживается своеобразного кодекса, ядром которого является „красота настоящей мужской дружбы“. А молодой, отчаянный и умный герой, который не боится рисковать и проигрывать, с присущим ему чувством справедливости, чести и достоинства, всегда пользуется большим читательским успехом» [перевод наш – О.М.]. А. Бразгуноў: *Абраннік Вялікай Мядзведзіцы*. В: С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Г. Бенкевіч..., с. 5–6.

Последний перевод, подобно оригиналу, на основе которого он был осуществлен, содержит слова от автора книги, написанные в 1963 году и выясняющие перипетии, связанные с ее публикациями на польском языке. Здесь сохраняется также вступление Песецкого, в котором он указывает на стилевые особенности и тональностное звучание романа. Один из его фрагментов размещен на задней стороне обложки этого издания в неизмененном виде. Второй, модифицированный отрывок, приводится и на последней стороне обложки, и в аннотации, с предшествующими ему сведениями об исходной версии текста, что обуславливает наличие авторских паратекстов. При этом аннотация дается курсивом, что не только эстетизирует текст, но и приводит к замедлению чтения²⁸, а также делает приглашение к знакомству с романом более личностным:

Культавы раман «Каханак Вялікай Мядзведзіцы» ўпершыню перакладаецца з аўтарскай версіі, дапоўненай і напраўленай Сяргеем Пясецкім у 1964 годзе. Гэты твор захаваў на сваіх старонках магічнае, невядомае і насычанае жыццё ракаўскіх кантрабандыстаў, якое б знікла назаўжды, калі б не пільнае вока аўтара, які за гэтай стыхіяй назіраў. Каларытная дакументальная аснова, асабісты досвед, яркія характары і ічышрыя пачуцці – а над усім гэтым коціца дзіўны Вялікі Воз... валадарыць цудоўная, адзіная, зачараваная Вялікая Мядзведзіца²⁹.

Можем заметить, что каждое из предисловий, в том числе с репродуцируемыми из них фрагментами в аннотации и на задней стороне обложки книги, иначе расставляет смысловые акценты. В предисловии Ваньковича доминирует перспектива, связанная с трудностями жизни Песецкого и особенностями современных ему реалий; во вступительном слове самого автора преобладает внимание к мотивам и структуре романа и проблемам издательского вмешательства в его содержание.

28 Z. Małysa-Janczy: *Mimesis krytyczna w prozie Michela Houellebecqa*. B: *Przestrzenie przekładu* 6. Red. J. Lubochna-Krugiłk, O. Małysa, G. Wilk. Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, Katowice 2022, s. 75.

29 «Культовый роман „Любовник Большой Медведицы” впервые переводится в авторской версии, дополненной и исправленной Сергеем Песецким в 1964 году. Это произведение сохранило на своих страницах магическую, неизвестную и насыщенную жизнь раковских контрабандистов, которая бы исчезла навсегда, если бы не зоркий глаз автора, который наблюдал за этой стихией. Колоритная документальная основа, личный опыт, яркие характеры и искренние чувства – а над всем этим покачивается странный Большой Ковш... господствует чудесная, неповторимая, волшебная Большая Медведица» [перевод наш – О.М.].

Бразгунов, с точки зрения представителя уже принимающей культуры, сосредоточивается, прежде всего, на герое книги, стереотипизируя образ поляка как человека чести, смелого и гордого.

Из паратекстуальных элементов, которые присущи только некоторым белорусским изданиям, отметим посвящение Феликса Янушкевича родителям: «Гэты пераклад прысвячаю святой памяці бацькоў: Марылі-Ірэны і Язэпа, якія вучылі нас, сваіх дзяцей: Казіміра, Фэлікса, Язэпа, Валяр'яна і Альгерда шанаваць Айчыну і сваё месца народзінаў – Ракаў»³⁰, а также послесловие от издателя, в котором кратко говорится об авторе книги, самой книге и переводчике.

Как в этой, так и в последней белорусской публикации романа прилагается словарь воровского жаргона и отдельных иноязычных вкраплений, составленный Песецким и включающий около 150 лексических единиц. В романе они создают колорит диалогической речи, ср.:

Wszystko klawo? Można dybać dalej – powiedział Szczur do Trofidy. Towar twój teraz! – rzekł Saszka dobitnie. – To nie agranda. Nikt nie odda... chyba głupi. To twój fart. Rozumiesz? Źyda cholera nie weźmie. Raz, dwa się odkuje! A ty rozdmuchasz trochę kadzidło! Poniał? (СП, с. 46)

Klawo – dobrze, *dybać* – iść, *agranda* – przywłaszczenie przemytu kupca; utworzono od: *granda*, analogicznie do więzennego: *akasacja*, utworzonego na wzór: *apelacja*. (СП, с. 323–324)

В переводе Янушкевича при словаре дается заметка, что не все входящие в его состав слова встречаются на страницах книги, скорее всего по причине изъятия соответствующих отрывков редактором первого польского издания: «Не ўсе слова ў слоўніку да першага выдання рамана Сяргея Пясецкага сустракаюцца ў тэксле. Верагодна, яны былі зняты рэдактарам першага выдання, але засталіся ў слоўніку, які найперш быў разлічаны на польскамоўнага чытача»³¹. Последний перевод, Пушкиной, такой оговорки уже не требует. В свою очередь, в переводе Бенкевич словарь опущен, а отдельные выражения из него приводятся в еще одном

30 «Этот перевод посвящаю светлой памяти родителей: Марыли-Янину и Язепа, которые учили нас, своих детей: Казимира, Феликса, Язепа, Валериана и Альгерда уважать Родину и свое месторождение – Раков». В: С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Ф. Янушкевич...

31 «Не все слова в словаре к первому изданию романа Сергея Песецкого встречаются в тексте. Вероятно, они были сняты редактором первого издания, но остались в словаре, который первоначально был рассчитан на польскоязычного читателя». В: С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Ф. Янушкевич...

проявлении паратекстуальности – примечаниях³². Данный прием может быть связан с тем, что некоторые приводимые Песецким обороты из преступного жаргона в настоящее время вследствие социально-политических процессов стали известны в более широком обиходе в белорусском (и русском) языке, к примеру, *клёва, братва, шухер, шпана, пяро* (в значении ‘нож’). Кроме того, трансферы из круга общеупотребительной лексики русского языка – типа *ребята* – могут быть декодированы белорусскоязычными читателями без особых затруднений, как и функционирующие в белорусском языке русские заимствования, к примеру, *будзёнаўка*. Таким образом, примененная в рассматриваемом издании переводческая техника, с одной стороны, может упрощать чтение, но, с другой, лишает текст существенной, на наш взгляд, информации на тему языковой специфики криминальной среды, а также других социальных групп в том временном и локальном срезе, который описывает Песецкий.

Поликультурная языковая палитра

Языковая палитра рассматриваемого нами текста Сергея Песецкого во многом предопределяется основной для сюжета категорией пограничности. Воспроизведение языка романа, в котором отражаются особенности неизвестного большинству мира польско-советского пограничья после Первой мировой войны, в контексте его белорусских переводов представляет особый интерес. Среди прочего это обусловлено тем, что действие книги происходит на территории приграничных районов БССР и Польской Республики, а ее героями являются представители разных национальностей – поляки, белорусы, русские, евреи. Однако проблематика книги выходит за узкие рамки фактографичности, показывая сложности не всегда очевидного идентитета личности, обусловленного спецификой региона, а также поднимая вопросы о свободе и моральных дилеммах в непростых исторических реалиях.

Марьян Хемар отмечал, что такой роман – своеобразное скрещивание Джека Лондона и Михаила Арцыбашева³³, – впервые появился в поль-

32 Примечания из этого и других переводов рассмотрим несколько подробнее в следующей части статьи в контексте поликультурных элементов.

33 Возможно, сравнение с Михаилом Арцыбашевым (1878–1927), правнуком Тадеуша Костюшко и популярным в свое время писателем, возникло по причине характера героя его произведений, живущего по своим нравственным законам, а также с точки зрения на наличие в текстах откровенных сцен.

ской литературе. По словам Хемара, он был написан какой-то иной прозой, по-польски, но на каком-то другом польском языке, отличался жесткостью и чувственностью как ни одна из польских книг. В этом тексте был романтизм героя Генрика Сенкевича – Кмицица, который не стал Бабиничем, а превратился в разбойника³⁴.

Белорусские исследователи, в свою очередь, обращают внимание на преломление в творчестве Песецкого традиций русских классиков – Федора Достоевского, Александра Куприна, Леонида Андреева³⁵. Они указывают также на то, что описываемые польским писателем реалии жизни и способ их эпической интерпретации (хронотоп, персонажи, народная мораль, элементы субкультуры и пр.) соответствуют в идейно-эстетическом и культурно-политическом аспектах феномену белорусской «тутэйшайсці»³⁶, а свойственная белорусам толерантность отражается в ходе мышления Песецкого, разнонациональные герои которого имеют право на свое мнение и оценку³⁷. Таким образом, соотнесения с проявлениями восточнославянской культуры создают полифоничность, составляющие которой в белорусских переводах могут декодироваться в категории «своих». В этих же категориях выражаются описания белорусских земель и многочисленные географические названия, для перевода которых во всех трех исследуемых изданиях используются прецизионные эквиваленты: *Барсуки*, *Гарані*, *Івянец*, *Койданава*, *Краснае*, *Кучкуны*, *Ляхи*, *Ракаў*, *Радашковічы*, *Стойбцы* и др.

Кроме того, как мы уже упоминали, для самого Сергея Песецкого родным языком был русский, а также он владел белорусским языком. Не удивительно поэтому, что не только в речь персонажей, но и в канву авторского нарратива вплетаются слова, фразы и фрагменты текстов из русского и белорусского обихода. Такое сочетание идиостиля писателя с приграничным вариантом речевой коммуникации делает повествование достоверным и искренним, а своеобразие языка романа органично воспроизводит поликультурный и субкультурный мир, в котором живут его герои. Песецкий раскрывает особенности жизни людей из маргинальной среды, сохраняя их жаргон, специфические речевые обороты,

34 M. Hemar: „Dziennik Polski”, 3.IV.1964. Цит. по: R. Demel: *Sergiusz Piasecki 1901–1964...*, с. 177.

35 Т. Кабржыцкая, П. Рагойша, М. Хмельницкі: *Наш і не наш Пясецкі...*

36 M. Chmialnicki: *Recepcja twórczości Sergiusza Piaseckiego...*, с. 229.

37 Об этом пишет Галина Нефагина в соавторстве с польской исследовательницей Иреной Мяновской, см.: И. Мяновска, Г.Л. Нефагина: «Вавилонская башня» Сергея Песецкого: поэтика жанра. «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта» 2012, вып. 8, с. 147.

присказки, прибаутки, а также песни. Ирена Мяновская и Галина Нефагина считают реальный материал, который до писателя не был в художественном плане осмыслен в польской литературе, экспериментальным³⁸. Как подчеркивает в предисловии к книге сам автор:

Utrwaliła życie nieznane, intensywne, ciekawe, które zginęłoby na zawsze, żeby nie mózg i uczucia autora, który je obserwował. Praca ta stała się czynem historyka, socjologa, psychologa, a nawet (w przenośni) archeologa, który wydobył spod gruzów i popiołów czasu straconą „kulturę”. Nie każdemu ona się będzie podobała. Lecz ja robiłem to z szacunkiem dla ludzi i rzeczy. Niech i czytelnik spróbuje to samo poznać³⁹.

Вместе с тем по поводу отредактированного первого выпуска его книги Песецкий во вступлении к новой публикации в 1963 году писал:

Czasem fragmenty wyrzucano w taki sposób, że akcja zatracała sens... Natomiast nie dbano o poprawność ortograficzną, o usunięcie błędów językowych. Np.: „Nie patrząc na starszy wiek Zuzia dobrze jeszcze się trzymała”. Zamiast: mimo... pomimo... bez względu... chociaż była w starszym wieku ... itd. Nie jest to przeoczenie korektora, bo rusyjszczyzna na kartach powieści powtarzał się wiele razy. Dopiero teraz go usunąłem⁴⁰.

Недочеты такого рода из первого издания романа, на основе которого был осуществлен перевод Янушкевича, на белорусском языке становятся

38 И. Мяновска, Г.Л. Нефагина: «Вавилонская башня» Сергея Песецкого..., с. 151.

39 S. Piasecki: *Kochanek Wielkiej Niedzwiedzicy...*, с. 6. «[Роман] запечатлел неизвестную, интенсивную, интересную жизнь, которая исчезла бы навсегда, если бы не ум и чувства автора, который за неё наблюдал. Эта работа стала деятельностью историка, социолога, психолога, а даже (в переносном значении) археолога, который добывает из-под камней и пыли времени утраченную „культуру“. Не каждому она понравится. Но я делал это из уважения к людям и событиям. Пусть и читатель попытается познакомиться с ними» [перевод наш – О.М.].

40 S. Piasecki: *Kochanek Wielkiej Niedzwiedzicy...*, с. 7. «Иногда фрагменты изымали таким способом, что действие теряло смысл... Вместе с тем не заботились об орфографической правильности, об устранении языковых ошибок. Напр.: „Nie patrząc na starszy wiek Zuzia dobrze jeszcze się trzymała”. Zamiast: mimo... pomimo... bez względu... chociaż była w starszym wieku... [по-русски правильны все варианты: Несмотря на зрелый возраст, Зузя еще выглядела хорошо / Помимо зрелого возраста Зузи / Хотя Зузя была уже зрелой женщиной – примечание наше – О.М.] и т.д. Это не недосмотр корректировщика, поскольку этот русизм [nie patrząc na] на страницах романа повторялся несколько раз. Только теперь я его убрал» [перевод наш – О.М.].

однако незаметными. Подробнее же остановимся здесь на избранном иллюстративном материале, показывающем, какие переводческие решения были предложены для передачи языковой специфики поликультурного пространства в трех белорусских переводах.

В переводе Бенкевич этот мир отражается во введении польскоязычных элементов – отдельных слов, а прежде всего фразематических высказываний, которыми изобилует речь персонажей. В главном тексте они транскрибируются, а их значение с указанием на происхождение из польского языка приводится в паратекстуальном пространстве – в примечаниях [напр., гелда (*польск.*) – біржа, брыла (*польск.*) – глыба, велізарны кавалак]. В случае фразем иногдаается буквальный перевод со словарной пометкой об устойчивом характере конструкции. Наряду с этим отметим непоследовательность в передаче фраз в сносках – они либо повторяются в белорусской транскрипции, либо репродуцируются на языке оригинала:

- Ma darcie na żarcie – dorzuca Szczur (СП, с. 22)
- Ма дарце на жарце, – падкінуў Шчур.

Примечание: Ма дарце на жарце (з *польск.*) – мае ахвоту да жратвы. (ГБ, с. 17)

Belkę Alfred już puścił kantem.
Бэлку Альфрэд ужо пусціў кантам.

Примечание: Пусціць кантам (*фраз.*, *польск.*) – падмануць, здрадзіць. (ГБ, с. 255)

- Ксёнжэ, що псы вёнжэ! – дадаў Лорд.

Примечание: Książę, co psy wiąże (*польск.*, *фраз.*) – прынц, які навязвае сабак / пра таго, хто беспадстаўна ганарыцца і ставіць сябе вышэй за іншых. (ГБ, с. 173)

- Храбя, що скуры обрабя! – адрэзаў Шчур.

Примечание: Hrabia, co skóry obrabia (*польск.*, *фраз.*) – граф, які скуры вырабляе / пра таго, хто беспадстаўна ганарыцца і ставіць сябе вышэй за іншых. (ГБ, с. 174)

Во многом роман Песецкого отражает паремиологический пласт, который был известен как под Раковом, так и под Краковом: *Не для пса кілбаса; Зух – на аднаго ўдвух! А супраць зуха – здохлая муха*⁴¹. В перево-

41 Я. Янушкевіч: *Эпіс перамытнікаў-ракаўчукоў...*

де Пушкиной поэтому подбираются идиоматические выражения, которые функционируют и в польской, и в белорусской культуре, с сохранением рифмованной структуры, к примеру: *Ma darcie na żarcie* – *Ласы на кілбасы!* (ср. польск. *łasy na kiełbasy*). Общие для обоих языков фраземы использует также Феликс Янушкевич: *Nie dla psa kiełbasa* – *Не для пса каўбаса!* При этом в белорусском варианте здесь наблюдается рифма, что компенсирует ее отсутствие при переводе других рифмованных единиц, к примеру: *Ma darcie na żarcie* – *I мае ж дар да жратвы.* Однако прямых соотнесений с польским языком, как в переводе Бенкевич, в контексте передачи вышеприведенных устойчивых единиц нет ни у Пушкиной, ни у Янушкевича.

Косвенное указание на польский язык отмечается в передаче фразеологических конструкций с помощью приема синтагматического перевода, благодаря которому вторичные адресаты могут познакомиться с новыми образными выражениями, вписывающимися в данный контекст и речевую характеристику героев. К такой переводческой технике часто прибегают Янушкевич и Бенкевич, применяя кавычки для указания переносных значений словосочетаний, к примеру:

Następnej nocy, na granicy w pobliżu Wołmy, nasi bajoniarze popędzili kota partii Kośmy Sterdonia z Duszkowa. (СП, с. 90)

У наступную ноч на мяжы, паблізу Волмы, нашы бааняры «пагналі ката» групе Кузьмы Стэрдона з Душкава. (ФЯ)

У наступную ноч на граніцы паблізу Волмы нашы салдаты «пагналі ката» партыі Кузьмы Стэрданя з Душкава. (ГБ, с. 102)

Однако тот же фразеологизм в других фрагментах этих переводов не заключается в кавычки, а Бенкевич дополнительно выясняет его языковую разновидность и значение в примечаниях, ср.:

У Альшанцы зялёнкі пагналі нам ката... (ФЯ)

Зялёнкі пагналі ката ў Альшынцы...

Примечание: Пагнаць ката (*жарг.*) – так казалі, калі пагранічная варта лавіла перамытнікаў. (ГБ, 41)

В переводе Пушкиной в качестве эквивалента фразеологизма приводится собственно белорусская идиома с подобной функцией, но иной

метафорикой – *даць пытлю*, которая описывается так: Даць пытлю каму. Уласна бел. Абазначае ‘напасці з дакорам, абвінавачаннем’ і ‘правучыць, разбіць’⁴²:

Наступнай ноччу, на мяжы ля Волмы, мясцовыя батальёншчыкі далі пытлю партыі Кузьмы Стардона з Душкава. (МП, 104)

– Адкуль ідзеш? Ад чырвоных? – Не. Мы ішлі з таварам. Трафіда вёў.
Зялёнкі нам пытлю далі ў Альшанцы. (МП, 42)

В других случаях все переводчики используют синтагматические конструкции без кавычек, что наблюдается, к примеру, при передаче фразеологизма *jak francuski piesek* в следующем диалоге:

- Pan bardzo nerwowy! – rzucam Karolowi
- Jak francuski piesek! – dodaje Lord [...] (СП, с. 102)
- Пан вельмі нярвовы! – кідаю я Каралю ўслед.
- Нібы французская сабачка, – дадає Лорд (ФЯ)
- Пан вельмі нервовы! – кінуў я Каралю.
- Як французскі сабака, – дадаў Лорд (ГБ, 117)
- Вы, пане, вельмі нервовы! – адзначаю я.
- Як англійскі цюцька! – дадае Лорд (МП, с. 118)

Выражение *francuski piesek* в польском языке имеет значение ‘osoba nadmiernie wybredna i rozpieszczona’ и в словаре дается с пометой *nep-*

42 И.Я. Лепешаў: *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. Беларуская Энцыклапедыя, Мінск 2004. Автор отмечает: «Дадатак пытлю „прырос“ да дзеяслова як увасабленне хуткага руху, што ўсведамлялася носьбітамі мовы, калі слова пыталь было ў актыўнай лексіцы. Устарэлы назоўнік *пыталъ* – гэта, паводле І. Насовіча, машина для пытлявання пшаніцы. Амаль тое самае і ў даўнейшых слоўніках польск. м., напрыклад у слоўніку 1912 г.: ‘млын для пытлявання’ і ‘спеціяльны млынавы мяшок для прасейвання муکі, які механічна прыводзіцца ў рух’; тут жа падаюцца і ўстойлівыя парапінанні: язык як пыталь, слова сыпле як з пытля». <https://elib.grsu.by/doc/21905> [дата обращения: 20.03.2025]. Ср. польское существительное *pytel* – ‘worek z lekkiej tkaniny o luźnym splocie, używany dawniej do przesiewania mąki po jej przemienieniu, aby pozbyć się otrąbów’. *Wielki słownik języka polskiego PAN*. Red. P. Żmigrodzki. <https://wsjp.pl/haslo/podglad/94633/pytel> [дата обращения: 20.03.2025].

оративное⁴³. В приведенном диалоге оно однако соотносится с состоянием повышенной раздражительности, возбуждения одного из героев. В каждом из белорусских переводов задействован образ собаки, но в первом используется уменьшительно-ласкательная форма женского рода *сабачка*, во втором – форма мужского рода *сабака*, которая среди прочего обладает негативными коннотациями, в третьем – разговорное слово *ци ѿчка*, обычно употребляемое в сравнительных оборотах со значением слова *сабака*. В двух первых переводах сохраняется проекция на французские мотивы, в последнем – на английские. Возможно, такое решение было обусловлено прозвищем героя, который произносит фразу, – Лорд, тем самым создавая языковую игру. Вместе с тем если французам можно приписать некоторую возбужденность в поведении, то скорее она не входит в стереотипное мышление иных народов об англичанах.

В тексте Песецкого появляются вставки устойчивых фраз и из белорусского языка, которые только в переводе Пушкиной выделяются курсивом, что указывает на их особую роль, например:

Hanka, warkocz ci się rozplotł! – krzyczy Grabarz.

Jedna z dziewczyn dotyka dlonią karku.

– Nie z tyłu... z przodu! – rzuca Garcarz.

– A sztob ciabie trasca uziała! – odpowiada Hanka.

Przypis: Źeby cię febra wzięła. (СП, с. 260)

– Ганка, у цябе каса расплялася! – крычыць Далакоп.

Адна з дзевак дакранаецца рукой да карка.

– Не ззаду... спераду! – кідае Далакоп.

– *A штоб цябе трасца ўзяла!* – адказвае Ганка. (МП, 316)

Кроме того, на страницах романа встречаются неожиданные сравнения, порожденные белорусской действительностью, которые сохраняются в переводах Янушкевича и Пушкиной. Бенкевич же по отношению к слову *armata*, русск. ‘пушка’, применяет термин *граната*, причем в отличие от оригинала, добавляет, что удар в лоб топора – в ее переводе белорусской гранаты – выдержит только конь. Такой перевод свидетельствует о другом опыте белорусов, чем тот, который зафиксирован в оригинале и в белорусской народной культуре, ср.:

43 *Wielki słownik...,* <https://wsjp.pl/haslo/podglad/30463/francuski-piesek> [дата обращения: 22.03.2025].

- Widzisz, jaki karabin maszynowy! – mówi Grabarz.
- Gdzie karabin maszynowy?
- No, na ramieniu dźwiga.
- Toż widły!
- Właśnie. Białoruski karabin maszynowy: na raz 5 dziur robi!
- No, a białoruska armata jak wygląda?
- Siekiera, – mówi Grabarz – dasz w łeb, koń nie wytrzyma. (СП, 260)

- Бачыш, які аўтамат! – кажа Грабар.
- Дзе аўтамат?
- Ну, на плячы прахожага.
- Гэта ж вілы!
- Канечне... Беларускі аўтамат... Адначасова пяць дзірак робіць!
- Ну, а беларуская граната як выглядае?
- Сякера, – кажа Грабар. – Дасі ў лоб – то толькі конь вытрымае.

(ГБ, с. 320)

Песецкий отразил в книге также особенности языка евреев из пограничных районов. В их речи переплетались элементы идиш, польского и немецкого языков, в том числе с неграмматическими формами. Такие единицы (из польского – *z takim robotem*, из немецкого *ganc pomada* – *ganz Pomade*, *ganz egal* ‘все равно’, *luft* – *Luft* ‘воздух’, в сочетании *do luftu* – ‘плохой, никчемный, скверный’, *szlus* – *Schluss* ‘конец’) в переводе на белорусский язык Бенкевич чаще всего нивелируются либо выясняются, а в остальных переводах ориентируются на специфику исходного варианта, за исключением фразеологизма *пушчу ўсё гэта дымам*, примененного Янушкевичем в качестве эквивалента выражения *do luftu*, ср.:

- Cholera ich bierz z takim robotem! (СП, с. 25)
- Холерыя іх бяры з такім роботам!.. (ФЯ)
- Халера іх пабяры з такой работай!.. (ГБ, с. 21)
- Каб іх халера з такім работам! (МП, с. 22)

- Dla mnie to ganc pomada: z towarem idziemy czy bez! (СП, с. 25)
- Мне гэта ганц-памада – ідзём мы з таварам ці без!.. (ФЯ)
- Для мяне гэта ганц памада: з таварам ідзём ці без!. (ГБ, 22)
- Ганц памада (жарг.) – усё роўна.
- Мне то ганц-памада: з таварам мы пойдзем ці без. (МП, 22)

- Ja za robotą się nie gonię... Jak będzicie kręcić, to puszczę to wszystko do luftu i szlus. (СП, с. 25)
- Я за работай не ганюся... Калі будзеце махляваць, дык пушчу ўсё гэта дымам, і шлюс. (ФЯ)
- Я за работай не ганюся... Калі будзеце круціць, то пушчу гэта ўсё ў люфцік і ўсё! (ГБ, 21)
- Я за работай не ганюся. Будзеце круціць, то спушчу ўсё з люфтам – і шлюс! (МП, 22)

В переводе издания 2020 года без выяснений приводятся не только те названия реалий, которые не толкует Песецкий в авторском нарративе (типа *pejsachówka* – *нейсахоўка*), но и приближаемые им (например, обозначение *miszygine* со сноской – *wariat*, в переводе Пушкиной – *мішыгіне*). Интересно, что в этой публикации в куплет одной из песен, переведенных здесь Андреем Хадановичем, вводится также краткая форма традиционного еврейского приветствия *шалом алейхем* ‘мир вам’ – *Шалом*, которое используется в современном иврите, хотя на идише применялась полная версия (*Шалом Алейхем*):

Wtem drużba łapie mię wpół
I sadzi mnie za stół:
„Ty, Bolku, chłopak klawy!
Napij się chociaż kawy”... (СП, 73)

Мне сябручок крычыць: «Шалом!»
И мы ўжо разам за столом:
«Ты, Болек, майстра справы!
Сядай, напіся... кавы!» (МП, 82)

Такие переводческие решения интенсифицируют культурно-языковые связи жителей приграничного региона, показывая их погруженность в разнонациональную действительность.

Значимым для романа является также введение в его канву элементов русского языка, охватывающих разные сферы – бытовую (*rubel*), военную (*gimnaściorka, patrony, politruk*), пограничную (*pogranotriad, tamożnik*), тюремную (*dopros, prowierka*), коммуникативную (*Ponial?*), оценочную (*I tak krugom!*) и др. С одной стороны, они характеризуют речь контрабандистов, а с другой, представителей советской власти.

В диалогических репликах героев встречаются, к примеру, выражения, заимствованные в польский из русского языка. К таким относится

требование немедленно уйти *пошел вон*, которое в польском языке зафиксировано как *paszol won* – ‘używane w sytuacji, gdy ktoś, ziryutowany przez kogoś, chce tę osobę wypędzić’⁴⁴, а в романе передается с гласной *о* как *Poszol won!* Перевод этой фразы – транслитерированной у Янушкевича и синонимичной ей у Пушкиной – приводится в кавычках, а у Бенкевич ее форма приобретает белорусское звучание:

- Puścże, cholera! Prosić ciebie? Zaraz będę krzyczeć. Już!.. Poszol won! (СП, с. 77)
- Пусці, халера!.. Цябе прасіць?.. Зараз закрычу!.. Ужо!.. «Пошол вон!» (ФЯ)
- Пусці, кажу табе, халера! Папрасіць цябе? Я зараз кричаць буду! Хопіць!.. «Пшол вон!» (МП, с. 87)
- Пусціж, халера!.. Прасіць цябе?.. Зараз буду кричаць!.. Ужо!..
- Ды пайшоў ты! (ГБ, с. 86)

Высказывания красноармейцев в книге Песецкого также транслитерируются и сопровождаются сносками, напр.:

Do izby weszło sześciu krasnoarmiejców, z krótkimi, kawaleryjskimi karabinkami w rękach.

- Chorosz guś – powiedział jeden.
- Nie guś, a mokraja kurica – dodał drugi, mając na myśli moje zaśnieżone ubrania, ociekające wodą w cieple izby.

Przypisy: 1. Dobra gęś!⁴⁵ 2. Nie gęś, ale zmokła kura! (СП, 109)

Каждый из переводчиков предлагает в данном случае иной вариант: Янушкевич делает трансфер из русского языка; Бенкевич первую фразу с неодобрительным отзывом о человеке дает по-русски с примечанием об этом, а вторую – по-белорусски, о чем свидетельствует написание слова *курица* с буквой *ы*; Пушкина обе реплики переводит на белорусский язык:

У хату ўвайшло шэсць чырвонаармейцаў з кароткімі кавалерыйскімі карабінамі ў руках.

- Хорош гусь! – вымавіў адзін.
- Не гусь, а мокрая курица! – дадаў другі, маючы на ўвазе маё заснежанае адзенне, з якога ў ўпладзе хаце пацякла вада. (ФЯ)

44 *Wielki słownik...*, <https://wsjp.pl/haslo/podglad/91924/paszol-won> [дата обращения: 05.04.2025].

45 Здесь перевод требовал бы скорее обращение к выражениям типа *szczwany lis*.

[...] – Хорош гусь! – сказаў адзін.

– Не гусь, а мокрая курыца! – дадаў другі, маючы на ўвазе маё заснежанае ўбранне, з якога сцякала ў цёплай хаце. (ГБ, 127)

Примечание переводчика – Па-руску.

[...] – Хорош гусь, – сказаў адзін з іх.

– Не гусь, а мокрая курыца! – дадаў другі, маючы на ўвазе маю заснежаную віпратку, з якой у цяплі хаты сцякала вада. (МП, 128).

Однако чаще всего во всех белорусских переводах отмечается воспроизведение фраз на русском языке, напр., *Eto u tebia w gołowie...* – *Это у тебя в голове*, *Eto kto to wystrzelil snarużi!* – *Это кто-то выстрелил снаряду!*

Вместе с тем переводчик текстов песенного творчества в последней версии переводческой множественности предлагает их варианты на белорусском языке, усиливая тем самым проявления белорусского фольклора, к примеру:

Proważala,
Do wogzala,
Żalko stało,
Płakała. (СП, с. 180)

Праважала
Да вакзала,
Жалка стала,
Зарыдала. (МП, с. 216)

Таким образом, анализ трех переводов романа Сергея Песецкого *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy* на белорусский язык показывает, что все они вписываются в рамки разной культурной интерпретации. Каждый из переводчиков – Феликс Янушкевич, Галина Бенкевич, Мария Пушкина – создает несколько иной образ писателя и его романа для белорусских читателей.

Важную роль в этом процессе играют паратексты, которые в каждом из изданий по-разному позиционируют книгу. В первом из них выделяется историко-приключенческий план, во втором – польско-белорусский дуализм Песецкого и его романтический облик, в третьем – магическое измерение произведения.

Паратекстуальные реализации находят отражение в переводческих решениях, касающихся передачи поликультурного языкового пласти

романа. В переводе, осуществленном Феликсом Янушкевичем, поликультурные акценты раскладываются равномерным способом. В переводе Галины Бенкевич преимущественно обращается внимание на элементы польского языка, указание на которые часто приводится в примечаниях. Другие паратекстуальные показатели в этом издании также по сравнению с иными в большей степени отражают польские мотивы, что вписывается в контексты стратегии форенизации. В свою очередь, перевод Марии Пушкиной включает белорусские единицы там, где в тексте оригинала находятся фразы, почерпнутые из русской речи. Такой же прием использует Андрей Хаданович, переводчик песен в этом издании, что наряду с вкраплениями из языка евреев приводит к некоторой перестановке поликультурных акцентов, в частности, погружая текст в белорусский язык и фольклор. Направленность на одомашнивание в этом издании может среди прочего свидетельствовать об укрепившемся статусе Песецкого в каноне белорусской культуры и в связи с этим меньшей необходимостью привлечения элементов из польского и русского языков.

Рассмотренный материал дает наглядное представление о том, как литература пограничья подвергается модификациям в переводах. Феномен «нашего и не нашего» Песецкого, формируемый в каждом тексте из переводческой множественности, связан с изменяющимися культурными потребностями белорусской аудитории, ее историческим сознанием, рыночными ожиданиями. Дальнейшие исследования, к примеру, по сопоставлению переводов романа Песецкого на белорусский и русский язык, которые были опубликованы издательством «Регистр», могут способствовать выявлению особенностей функционирования книги в близких культурных социумах, учитывая лингвокультурный синкретизм идиостиля писателя, языковую ситуацию в Беларуси и переводческие решения, влияющие на формирование того или иного способа декодирования текста в принимающих пространствах.

Литература

Бразгуноў А.: *Абраннік Вялікай Мядзведзіцы*. В: С. Пясецкі: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Г. Бенкевіч. Регистр, Мінск 2019, с. 5–6.
 Выйшла аўдыёкніга «Каханак Вялікай Мядзведзіцы». <https://www.racyja.com/archivy/kultura/vyjshla-audyyokniga-kakhanak-vyalikaj-mya/> [дата обращения: 14.03.2025].

Женетт Ж.: *Посвящения*. Перевод, вступительная заметка и примечания Л. Семеновой. В: *Антропология культуры*. Вып. 2. Ред. В.В. Иванов. Вердана, Москва 2004.

«*Каханак Вялікай Мядзведзіцы*» – в ТОП-10 от CityDog. <https://onebook-by/2020/05/kahanak-vjalikaj-mjadzvedzicy-v-top-10-ot-citydog/> [дата обращения: 15.03.2025].

Кабржыцкая Т., Рагойша П., Хмяльніцкі М.: *Наші і не наші Пясецкі. Зоркі Радзімы пісьменніка пад колам яго жыццёвых і творчых калізій*. Кнігазбор, Мінск 2014.

Лепешаў І.Я.: *Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў*. Беларуская Энцыклапедыя, Мінск 2004. <https://elib.grsu.by/doc/21905> [дата обращения: 20.03.2025].

Мяновска И., Нефагина Г.Н.: «*Вавилонская башня*» Сергея Песецкого: поэтика жанра. «*Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*» 2012, вып. 8, с. 146–151.

Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2016/october/21504/> [дата обращения: 21.02.2025].

Пясецкі С.: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Г. Бенкевіч. Регистр, Мінск 2019.

Пясецкі С.: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. М. Пушкіна. Логвінаў, Мінск 2020.

Пясецкі С.: *Каханак Вялікай Мядзведзіцы*. Пер. Ф. Янушкевіч. Віктар Хурсік, Менск 2009. https://royallib.com/read/pyasetsk_syargey/kahanak_vyalkay_myadzvedztsi.html#1228800 [дата обращения: 22.02.2025].

Рагойша П.: *Сергей Пясецкий: феномен творчества писателя русско-белорусско-польского пограничья*. «*Звезда*» 2001, № 6, с. 176–184.

Рагойша П.В.: *Творческий Сяргея Пясецкага: проблема жанрава-стылевай адметнасці*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мінск 2001.

7 классиков и их 20 лучших книг, которые почему-то не преподают на уроках литературы в школе, а стоило бы. <https://citydog.io/post/mts-7-klassikov/> [дата обращения: 16.03.2025].

Янушкевіч Я.: *Энас перамытнікаў-ракаўчукоў*. <https://www.svaboda.org/a/1491212.html> [дата обращения: 12.02.2025].

Chmialnicki M.: *Recepcja twórczości Sergiusza Piaseckiego na Białorusi. W: Polonistyka na początku XXI wieku. Diagnozy. Koncepcje. Perspektywy*. Red. J. Tambor. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2018, с. 222–231.

Demel R.: *Sergiusz Piasecki 1901–1964. Życie i twórczość*. Wydawnictwo LTW, Łomianki 2012.

Genette G.: *Palimpsesty. Literatura drugiego stopnia*. Przeł. A. Milecki. B: *Współczesna teoria badań literackich za granicą: antologia*. T. 4, cz. 1: *Badania strukturalno-semiotyczne (uzupełnienie), problemy recepcji i interpretacji*. Red. H. Markiewicz. Wydawnictwo Literackie, Kraków 1996.

Hemar M.: „Dziennik Polski”, 3.IV.1964.

Klimek J.: O języku „Kochanka Wielkiej Niedźwiedzicy” Sergiusza Piaseckiego. *Rekonesans badawczy*. W: *Język polski dawnych Kresów Wschodnich: T. 5: Polskie dziedzictwo językowe na dawnych Kresach*. Red. E. Dziegieł, K. Czarnecka, D.A. Kowalska. Semper, Warszawa 2012, s. 123–132.

Kubusiak E.: *Antroponimy nieoficjalne w powieściach Sergiusza Piaseckiego. „Język Polski”* 2024, r. CIV, z. 2, s. 87–99.

Kubusiak E.: *Leksyka przestępca w trylogii złodziejskiej Sergiusza Piaseckiego. „LingVaria”* 2021, r. XVI, nr 1 (31), c. 321–334.

Kubusiak E.: *Воровские псевдонимы как элемент криминального дискурса в трилогии Сергея Пясецкого*. W: *Onomastics in Interaction With Other Branches of Science. Vol. 3: General and Applied Onomastics. Literary Onomastics. Chrematonomastics. Reports*. Red. U. Bijak, P. Swoboda, J. Walkowiak. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2023, c. 291–305.

Małysa-Janczy Z.: *Mimesis krytyczna w prozie Michela Houellebecqa*. B: *Przestrzenie przekładu 6*. Red. J. Lubochna-Kruglik, O. Małysa, G. Wilk. Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, Katowice 2022, c. 71–79.

Masłowska D.: *Więcej niż możesz zjeść. Noir sur Blanc*, Warszawa 2016, c. 77–81.

Piasecki S.: *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy*. LTW, Łomianki 2021.

Polechoński K.: *Żywot człowieka uzbrojonego. Biografia, twórczość i legenda literacka Sergiusza Piaseckiego*. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa–Wrocław 2000.

Tokarz B.: *Parateksty jako wyraz koncepcji przekładu. „Przekłady Literatur Słowiańskich”* 2017, t. 8, cz. 1, c. 15–35.

Tomaszewicz E.: *Gwiazdy Wielkiej Niedźwiedzicy. Kobiety w życiu i twórczości Sergiusza Piaseckiego*. Wydawnictwo LTW, Warszawa 2003.

Tyszkiewicz M: *Pomnik Sergiusza Piaseckiego miał stanąć w Rakowie, ale stoi we wrocławskiej knajpie*. <https://glosnadniemna.pl/58232/pomnik-sergiusza-piaseckiego-mial-stanac-w-rakowie-ale-stoi-we-wroclawskiej-knajpie/> [data обращения: 20.03.2025].

Wielki słownik języka polskiego PAN. Red. P. Żmigrodzki. <https://wsjp.pl> [дата обращения: 20.03.2025].

Oksana Małysa

Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy

by Sergiusz Piasecki in Three Translations into Belarusian

SUMMARY | The article discusses the specificity of the translation series of Sergiusz Piasecki's novel *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy* (*Lover of the Great Bear*) presented in Belarusian. Each of the translators – Feliks Janushkevich, Galina Benkevich, Maria Pushkina – creates a slightly different image of the writer and his novel for Belarusian readers. Paratexts play an important role in this process, positioning the book differently in each translation. The first translation emphasises the historical and adventure aspects of the story, the second focuses on Piasecki's Polish-Belarusian dualism and his romantic image, and the third highlights the magical dimension of the work.

There are also different translation decisions to convey elements reflecting the linguistic and cultural specificity of the Polish-Soviet borderland in the first half of the 1920s. In Janushkevich's translation, multicultural accents are evenly distributed; Benkevich attaches particular importance to preserving elements of the Polish language; Pushkina, as well as the translator of songs in this edition, Andrej Hadanovich, refer primarily to their own realities, which may indicate the entrenched status of Piasecki in the canon of Belarusian literature.

KEYWORDS | Sergiusz Piasecki, borderland literature, translation series, paratexts, multiculturalism

Oksana Małysa

Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy

Sergiusza Piaseckiego w trzech przekładach na język białoruski

STRESZCZENIE | W artykule omówiono specyfikę serii translatorskiej powieści Sergiusza Piaseckiego *Kochanek Wielkiej Niedźwiedzicy*, która ukazała się w języku białoruskim. Każdy z tłumaczy – Feliks Januszkevich, Galina Benkevich, Maria Pushkina – tworzy nieco inny obraz pisarza i jego powieści dla białoruskich czytelników. Ważną rolę w tym procesie odgrywają parateksty, które w różnych przekładach inaczej pozycjonują książkę. W pierwszym z nich wyróżnia się wątek historyczno-przygadowy, w drugim – polsko-białoruski dualizm Piaseckiego i jego romantyczny wizerunek, w trzecim – magiczny wymiar utworu.

Różne są też decyzje translatorskie odnośnie do przekazania elementów książki odzwierciedlających specyfikę językową i kulturową pogranicza polsko-radzieckiego w pierwsiowej połowie lat 20. ubiegłego wieku. W przekładzie Januszkewicza wielokulturowe akcenty rozkładają się równomiernie; Benkevicz szczególną wagę przywiązuje do zachowania elementów języka polskiego; Pushkina, a także tłumacz piosenek w tym wydaniu Andrej Chadanowicz odwołują się przede wszystkim do swoich realiów, co może świadczyć o zakorzenieniu statusu Piaseckiego w kanonie literatury białoruskiej.

SŁOWA KLUCZOWE | Sergiusz Piasecki, literatura pogranicza, seria translatorska, parateksty, wielokulturowość

OKSANA MAŁYSA (ОКСАНА МАЛЫСА) | доктор филологических наук, профессор Силезского университета в Катовице. Член Комиссии по языкоизнанию Польской академии наук (отделение в Катовице), Комиссии по переводоведению при Международном комитете славистов, Польского общества прикладной лингвистики, Польского общества русистов. Круг научных интересов: лингвистическая генеалогия, сравнительное языкоизнание, переводоведение. Автор более 70 статей, а также книг *Текстовые категории в публицистическом стиле (сопоставительный русско-польский анализ)* (2002); *Комиссивные речевые жанры. Сопоставительный русско-польский аспект* (2014). Соавтор монографии о специальном переводе и двух учебных пособий – по практической грамматике русского языка и в области культурных реалий. Член редколлегии журнала „Przestrzenie Przekładu”.